

Глава 1

2 апреля 1821 года

Окраина Каира, Египет

Черными, как у большинства египтян, волосами и глазами Руперт Карсингтон, четвертый сын графа Харгейта, был обязан своей матери. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы не выделяться в толпе, собравшейся на мосту. Во-первых, он оказался самым высоким. Во-вторых, его поведение и манера одеваться выдавали в нем англичанина. К тому же египтяне и турки, судившие о людях по качеству их одежды, безусловно, отметили, что этот человек далеко не низкого происхождения.

Руперт прибыл в Египет всего шесть недель назад и еще не научился разбираться в многочисленных племенах и национальностях. И конечно, не мог с первого взгляда определить общественное положение того или иного человека. Однако он быстро сориентировался, сообразив, что расстановка сил явно не в его пользу.

Солдат всего несколько дюймов не дотягивал до шести с лишним футов Руперта и был вооружен до зубов: три ножа, две сабли, пара пистолетов и сумка с патронами у пояса. К тому же он с угрожающим видом размахивал тяжелой палкой над головой избитого, хромого, покрытого грязью человека.

Преступление бедняги, насколько смог понять Руперт, заключалось в том, что он не вовремя замешкался.

Солдат что-то проревел — то ли угрозу, то ли ругательство, — и, охваченный ужасом, крестьянин упал. Солдат замахнулся, чтобы ударить его палкой по ногам, несчастный откатился в сторону, и незадачливый вояка промахнулся. В ярости он едва не снес голову своей жертве.

Руперт прорвался сквозь толпу, оттолкнул солдата и вырвал у него палку. Солдат схватился было за нож, но Руперт успел выбить его. Прежде чем противник вытащил другой нож, Руперт ударил его палкой. Солдат увернулся, но палка задела его бедро, и он свалился на землю. Падая, он выхватил пистолет, но Руперт с размаху ударил его по руке. Противник взвыл от боли и выронил оружие.

— Беги! — крикнул Руперт грязному калеке, который понял если не английское слово, то сопровождавший его жест, с трудом поднялся на ноги и поспешно заковылял прочь. Толпа расступилась, пропуская его.

Руперт последовал за ним, но было уже поздно. Солдаты пробивались сквозь все увеличивавшуюся толпу, через мгновение стража окружила Карсингтона.

Слух о драке, приукрашенный выдумками, быстро долетел до Эль-Эзбекии, квартала Каира, находившегося в полумиле от моста, где обычно останавливались приезжие европейцы. Во время разлива, в конце лета, Нил превращал площадь Эзбекии в озеро, по которому взад и вперед сновали лодки. Сейчас вода спала, и осталась лишь полоска земли, окруженная зданиями.

В одном из больших домов Дафна Пембрук ждала своего брата Майлса. День угасал, и она начала беспокоиться. Если он вскоре не вернется, то не попадет домой, потому что с наступлением темноты ворота закроют. Их также запирали на время чумы или мятежа, а то и другое в Каире случалось довольно часто.

Дафна с увлечением изучала разложенные перед ней бумаги, не забывая прислушиваться, не приехал ли

Майлс. Дафну особо занимали литография Розеттского камня, недавно приобретенный папирус и его копия, сделанная пером и чернилами. Дафне было почти двадцать девять лет, и последние десять она пыталась разгадать тайну египетской письменности.

Древние иероглифы были ее страстью. Ради того, чтобы изучать их, она вышла замуж за человека, который был раза в три старше ее, изучал языки и владел собранием книг и древних документов, которые были крайне необходимы девушке. В то время она верила, что они идеально подходят друг другу. Дафне было девятнадцать, и она все видела в радужном свете.

Но довольно скоро Дафна поняла, что ее блестящий ученый муж ничем не отличается от мракобесов, уверенных, что женщина не способна мыслить самостоятельно.

Прикрываясь тем, что очень близко принимает к сердцу ее интересы, Верджил Пембрук запретил ей изучать египетскую письменность. Он заявил, что даже ученые мужи, знакомые с арабским, коптским, греческим, персидским языками и ивритом, не надеялись в ближайшее время ее расшифровать. Он не считал это большой потерей: египетская цивилизация, по его мнению, была примитивной — намного ниже классической цивилизации Греции, и расшифровка мало чем обогатила бы человечество.

Дафна была дочерью священника. Для нее обет любить, почитать и повиноваться мужу, данный у алтаря, не был пустым звуком. И она очень старалась. Но когда ей стало ясно, что необходимо продолжать свои занятия, чтобы не сойти с ума от скуки и разочарований, она предпочла рискнуть и не подчиниться мужу. После этого Дафна продолжала трудиться втайне от него.

Верджил умер пять лет назад. К сожалению, его смерть ничего не изменила. В обществе по-прежнему не признавали права женщин на научные изыскания.

Только брат и избранные друзья знали ее тайну. Окружающие же продолжали верить, что лингвистическим гением в их семье был ее брат Майлс.

Будь он этим гением, он не заплатил бы две тысячи фунтов за папирус, который она сейчас изучала. Купец по имени Ванни Аназ уверял, что в нем описывается место вечного упокоения молодого фараона, имени которого он не знал. Ни один образованный человек ему не поверил, однако история увлекла Майлса.

Он даже вернулся в Гизу, чтобы «понять ход мыслей древних строителей пирамид» и найти гробницу молодого фараона со всеми ее сокровищами.

Дафна не сомневалась, что он не найдет в примерах никаких подсказок. Но не стала переубеждать брата. Майлс с таким восторгом изучал памятники Египта. Зачем портить ему удовольствие? Она только проверила, взял ли он с собой достаточно еды на два дня.

Дафна уклонилась от предложения сопровождать его. Однажды она поехала с ним в Гизу и осмотрела две пирамиды, в которые можно было войти. Ни в одной не было никаких иероглифов, хотя некоторые посетители увековечили на камнях свои глубокие мысли: «Саверинус любит Клодию». Не менее важной причиной было ее нежелание снова втаскиваться в длинные, узкие, душные коридоры пирамид.

Но сейчас мысли Дафны занимало совсем другое. Она раздумывала, не ошибся ли доктор Янг в истолковании закорючки и трех хвостиков на знаках, когда ее служанка Лина распахнула дверь.

— Кровопротитие! — кричала Лина. — Глупый, глупый англичанин! Горячая голова! Теперь улицы зальют кровью!

Она сорвала ненавистные покрывала с головы и лица, в которых вынуждена была появляться на улице. Дафна наняла ее на Мальте, когда английской горничной стало трудно переносить тяготы долгого путешествия.

Лина, эта типичная жительница Средиземноморья, с темными волосами и карими глазами, не только говорила на английском, греческом, турецком и арабском языках, но и умела немного читать и писать на них — неслыханные достоинства для женщины в этих краях. Однако она была суеверной фаталисткой, склонной видеть лишь темную сторону жизни.

Дафна, привыкшая к драматическим сценам Лины, лишь приподняла брови и спросила:

— Какой англичанин? Что случилось?

— Безумный англичанин подрался с одним из солдат паши и проломил этой свинье голову. Говорят, чтобы схватить его, потребовалась сотня солдат. Турки отрубят ему голову и насадят на пику, но это еще не все. Солдаты примутся за иностранцев, особенно за англичан.

В отличие от большинства объявлений Лины о конце света это звучало слишком правдоподобно.

Оттоманские правители Египта практиковали средневековые методы поддержания порядка — подданных избивали, пытали и отрубали головы. Египтяне, как и турки, были невысокого мнения о «франках», презренных европейцах. Солдатня, набранная из всякого сброда — египетских, турецких и албанских авантюристов, — враждебно относилась ко всем, в том числе и к своему начальнику — Мухаммеду Али, паше Египта. По сравнению с ними монгольские орды Чингисхана выглядели стайками веселых школьниц.

А Дафна оставалась одна, если не считать перепуганных слуг. Она чувствовала, как у нее начинают путаться мысли от страха. Внешне Дафна была абсолютно спокойной — еще при жизни мужа она научилась скрывать свои чувства.

— В это трудно поверить, — заявила она. — Кому придет в голову драться с солдатом паши?

— Говорят, этот человек недавно в Каире, — сказала Лина. — Он только на прошлой неделе приехал из Алек-

сандрии, чтобы работать у английского генерального консула. Говорят, он очень высокий, смуглый и красивый. Не думаю, что от этой красоты что-нибудь останется, когда они понесут его голову через весь город на пике.

Омерзительное видение промелькнуло в голове Дафны. Она поспешила отогнать его и резко заметила:

— Этот человек, должно быть, безнадежно глуп. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, консульство слишком часто пользуется услугами сомнительных личностей.

Объяснялось все довольно просто — английский генеральный консул, мистер Солт, увлекался коллекционированием древностей и не проявлял особой щепетильности относительно способов их добычи.

Теперь же, из-за того, что он добавил к своему штату буйного дурака, ни один европеец не будет чувствовать себя в безопасности в Каире. Майлс, белокурый, голубоглазый и высокий, и она сама, зеленоглазая и рыжая, как ее покойная мать, — слишком заметные мишени.

Дафна опустила глаза и увидела, что у нее дрожат руки. «Успокойся, — приказала она себе. — Ничего еще не случилось. Думай!»

Несколько лет назад Сара, жена знаменитого исследователя Джованни Бельцони, надевала одежду арабского купца и спокойно заходила в мечеть, что запрещалось женщинам и неверным. Если повезет, Дафна, так же переодевшись, сможет сбежать из Каира и встретить брата по дороге сюда. Затем они смогут нанять лодку и подняться вверх по реке, подальше от опасности.

Она уже собиралась поделиться с Линой своим планом, как двор огласился отчаянными криками. Страшный вой перекрывал другие голоса.

Дафна вскочила с дивана и подбежала вместе с Линой к зарешеченному окну. По лестнице со двора поднималась группа мужчин-египтян. Они несли неподвижное тело слуги Майлса, Ахмеда.

Утро следующего дня

В особняке на другом конце Эзбекии генеральный консул его величества, охваченный противоречивыми чувствами, размышлял о вероятности того, что голову Руперта Карсингтона пронесут по улицам города.

За полтора месяца пребывания четвертого сына графа Харгейта в Египте он нарушил двадцать три закона, и его девять раз сажали в тюрьму. За те деньги, которые консульство затратило, выкупая мистера Карсингтона, мистер Солт мог бы разобрать и отправить в Англию один из небольших храмов с острова Филе.

Теперь он точно знал, зачем лорд Харгейт отправил своего отпрыска в Египет. Не для того, как писал его милость, «чтобы помогать генеральному консулу в его служении на благо нации», а чтобы свалить на чью-то голову ответственность и расходы.

Мистер Солт стряхнул песок с бумаг, лежавших перед ним на столе.

— Полагаю, следует радоваться, — обратился он к своему секретарю Бичи. — Солдаты могли бы воспользоваться случившимся и убить всех нас. А они лишь грабительский штраф заплатили и потребовали удвоить суммы обычных взяток.

Консул терялся в догадках, почему товарищи пострадавшего солдата не разорвали Карсингтона на куски. По пути в город он подверг их терпению настоящему испытанию. При численном преимуществе двадцать к одному он трижды пытался сбежать, нанеся им при этом немало увечий.

И все же в городе было спокойно, а неутомонный сын лорда Харгейта остался жив, хотя и сидел в подземной, полной крыс темнице каирской цитадели.

Он уже не мог ничего натворить, и мистер Солт сожалел, что нельзя держать его в этой грязной яме до бесконечности.

Граф Харгейт был влиятельной персоной, он без труда мог добиться ссылки мистера Солта в какой-нибудь забытый Богом уголок, где не было даже намеков на предметы античной культуры.

Но вытащить Карсингтона из тюрьмы... Великий Боже! Консул еще раз просмотрел цифры на документах.

— Неужели мы должны заплатить всем этим людям? — жалобно спросил он.

— Боюсь, что так, сэр, — ответил секретарь. — Паша узнал, что отец мистера Карсингтона важный английский вельможа.

Мухаммед Али был невежественным, неграмотным, но не глупым. После того как кто-то прочитал ему «Государя» Макиавелли, паша сказал: «Я мог бы кое-чему научить его».

Кроме непостижимого умения приводить свою армию полупомешанных убийц к победе, Мухаммед Али обладал не менее ценным для правителя качеством — добывать деньги на ее содержание. Паша запросил астрономическую сумму за освобождение сына великого английского лорда.

Если мистер Солт заплатит, то его быстро истощавшихся средств не хватит на оплату раскопок, и как только он прекратит их, место мгновенно захватят его конкуренты — французы. С другой стороны, если он не добьется освобождения Карсингтона, то легко сможет оказаться британским консулом в Антарктиде.

— Дай мне подумать, — сказал он секретарю.

Мистер Бичи поклонился и вышел. Спустя пять минут он вернулся.

— Ну, что еще? — раздраженно спросил мистер Солт. — Карсингтон взорвал цитадель? Сбежал с любимой женой паши?

— Миссис Пембрук просит принять ее, сэр, — доложил секретарь. — Она говорит, что дело чрезвычайно срочное.

— А, сестра Арчдейла, вдова, — сказал консул. — Что-то не терпящее отлагательства, без сомнения. Возможно, он обнаружил гласную букву. Я едва сдерживаю волнение.

Мистера Солта не только привлекали внушительные образцы древнеегипетского искусства, он старался быть в курсе новейших научных течений в египтологии и даже сам предпринимал попытки расшифровать загадочную надпись, но сегодня был не в настроении вести научные дебаты.

Консул вернулся из своего слишком короткого отпуска, проведенного в окрестностях Каира, из-за неприятностей с Карсингтоном. Погруженный в мрачные размышления о постоянных проблемах с деньгами, Солт не мог смотреть на миссис Пембрук с безразличием ученого.

Дафна была в глубоком трауре, хотя ее почтенный муж скончался более пяти лет назад, — и ее вид не способствовал улучшению настроения консула. Она всегда напоминала ему туманные, призрачные фигуры, которые он видел на стенах царских гробниц.

С другой стороны, покойный мистер Пембрук оставил все имущество своей молодой жене, а в это «все» входили великолепная собственность и не менее внушительное состояние.

Если мистер Солт сумеет изобразить свое восхищение теми крошечными закорючками, которые, как она воображала, расшифровал Арчдейл, то ей, возможно, захочется вложить в раскопки часть своего богатства.

Мистер Солт изобразил гостеприимную улыбку и пошел ей навстречу, когда она вошла.

— Моя дорогая леди, — сказал он. — Как мило с вашей стороны посетить меня! Какая честь! Позвольте предложить вам что-нибудь освежающее.

— Нет, благодарю вас. — Дафна откинула вдовью вуаль с бледного лица, тени окружали ее пронзительные

зеленые глаза. — У меня нет времени на светские любезности, мне срочно нужна ваша помощь. Моего брата похитили.

Ахмеда сильно избили, но он не умер, а потерял сознание, когда наконец добрался до Эзбекии.

Накануне, после захода солнца, прошло еще много времени, прежде чем он достаточно оправился, чтобы заговорить, но и тогда его трудно было понять. Когда Дафна уловила смысл его рассказа, было уже поздно что-либо предпринимать. Ночью улицы Каира принадлежали полиции и тем преступникам, за которыми она охотилась.

Что бы ни случилось, европейцы, попавшие в затруднительное положение, должны были обращаться к своему консулу, а не к местным властям. Вчера мистер Солт и его секретарь отсутствовали, и Дафне пришлось провести долгую ночь в ожидании.

Теперь, измученная телом и душой, Дафна находилась на грани истерики. Она не должна поддаваться слабости. Мужчины лишь успокаивают взволнованных женщин, а ей надо, чтобы ее выслушали. Она должна заставить их отнестись к ней серьезно.

После своего короткого заявления Дафна позволила мистеру Солту отвести ее в тень галереи, выходящей в сад. Она выпила густой крепкий кофе, принесенный слугой, чтобы приободриться.

Она, как ее попросили, рассказала все с самого начала.

Накануне ее брат, слуги и гребцы утром не вернулись из Гизы. В Старом Каире, едва Майлс успел выйти из лодки, несколько человек, назвавшихся полицейскими, схватили и увели его. Когда Ахмед попытался проследить за ними, чтобы узнать, куда они повели хозяина и почему, его тоже схватили, «полицейские» затащили